

Л2 - Досвл. - 1993. - 26 - с 32

В ТЕЧЕНИЕ нескольких недель московские газеты наперебой обсуждали эту сенсацию, тем более что будущая пациентка мирового светила подлила масла в огонь, заявив в интервью корреспонденту «Голоса Москвы», что «это вовсе не шутка». Кто знает, какое продолжение имела бы эта история — рассказывали, что заядлые спорщики уже заключали на сей счет пари, — но с заморозкой дело не получилось. Замечательный русский биолог Бахметьев, первым в мире поставивший успешные опыты по анабиозу на летучих мышьях, скоропостижно скончался. Впрочем, для тех, кто знал Ртищеву близко, эта экстравагантная выходка не была столь уж неожиданной — она всегда отличалась бесстрашием и жаждой новых ощущений. Достаточно прочитать начало ее автобиографии, чтобы понять, что эта женщина знала себе цену: «Родилась я в Москве на Пятницкой улице, номер дома не знаю, года не помню и не знаю, да и знать не желаю...» И дом знала (и любила!), и год помнила, да только не хотела быть в «плену у времени». Одно слово — Артистка! Зато званием москвички гордилась, всегда это подчеркивала. Отец ее — И.А.Цветухин, председатель Московского кредитного общества, часто менял адреса, когда же она обзавелась собственным домом, то прочно осела в районе Арбата, долгие годы жила на Новинском, неподалеку от Смоленского рынка.

Театром она «заболела» с юных лет. Однажды на даче ставили водевиль «По публикации», и она выговорила себе роль старухи-кухарки, которую, несмотря на свои 14 лет, исполнила с блеском. Затем последовали многочисленные любительские кружки, провинциальные театры. В 1909 г. по рекомендации известного театрального критика и редактора журнала «Рампа и жизнь» Л.Г.Мушкетина Ртищева была принята в труппу московского Интимного театра, играла в Сергиевском народном доме. Репертуар был самый разнообразный — от классических пьес до роли Кота в сапогах и веселых водевилей доморощенных авторов.

Случилось так, что во время затянувшегося по техническим причинам антракта режиссер уговорил Ртищеву спасти положение и прочесть со сцены один из ее коротких рассказов, которыми она нередко забавляла друзей в узком кругу. Зрители, уже было решившие потребовать деньги обратно, сменили гнев на милость — номер прошел под аплодисменты и смех, пришлось читать еще и еще. Так возникла идея составить собственную программу. А сочиненная Ртищевой пародия на модную в ту пору «Анатэму» Леонида Андреева даже удостоилась части быть записанной на грамофонную пластинку и обошла всю Москву...

Но наибольшую популярность среди москвичей приобрели знаменитые своей потрясающей близостью к оригиналам имитации Ртищевой. Как-то выступая в одном концерте с Н.В.Плевичкой, она попросила ту дать разрешение на имитацию ее песен. Довольно скоро эти дружеские пародии получили такой успех, что импресарио Плевичкой даже уговорил Ртищеву отправиться с ними на гастроли по России. В конце концов она настолько вжилась в образ, что не только манерой исполнения, но даже внешностью стала походить на знаменитую исполнительницу русских народных песен. Когда однажды, загримировавшись в уборной театра И.С.Зона, она села рядышком с Плевичкой возле зеркала, то внезапно вошедший муж певички невольно отшатнулся от столь фантастического раздвоения. В другой раз подружки решили на концерте подшутить над публикой, исполнив друг за другом одну и ту же песню. Бешено аплодировавшие зрители так ничего и не заметили. Каково же было их изумление, когда из-за кулис появились две Плевички и запели дуэтом...

Невозможно перечислить, сколько московских знаменитостей запечатлела Ртищева в своих дружеских пародиях-имитациях. Отмечая этот факт, журнал «Кулисы» опубликовал такую эпиграмму, обращенную к Ртищевой:

Все сымитированы вами,
И, всех талантливо дробя,
Вы скоро, может быть, себя
Покажете в «кривозеркальной» драме!..

Вскоре, однако, увлечение имитациями отошло на второй план, зато сочиняемые Ртищевой рассказы, пародии и песенки стали пользоваться не меньшей популярностью. Исполняла их она, как правило, сама и делала это блестяще. Заметим, что Ртищева не была лишь артисткой сугубо развлекательного жанра, ее смех нередко звучал сквозь слезы, по окончании концерта всегда было над чем задуматься. «В один вечер она бывает французской, немецкой и русской шансонетной певичкой. И все это примелькавшиеся фигуры

В июле 1913 г. в московском еженедельнике «Жизнь» появилась заметка следующего содержания: «Артистка М.И.Ртищева предложила свои услуги профессору П.И.Бахметьеву, желая подвергнуть себя анабиозу на один год. Замораживаться она решила безвозмездно: «Только бы не мочили волос и не портили прическу! И науке принесу пользу, и обогатю себя столькими впечатлениями. Смерти я не боюсь, кроме того, я слишком уверена в действенности анабиоза», — говорила она.

из жизни. А эта бедная русская «шансонетка»... поющая под гармонь, положительно «шедевр». Что-то во всей фигуре, во всем существе этой «Дуньки Комаровой» — Ртищевой есть схожее с какой-то затасканной, попорченной, убогой и смешной шарманкой... — так и схвачена сама московская улица, породившая такое жалкое существо — существо жалко-увеселительное», — писал известный в начале века поэт и театральный критик Н.Вильде, добавляя при этом, что «для госпожи Ртищевой нужно специально писать: она может создать театр-жанр, театр-тип». Высокого мнения об актерском даровании Ртищевой был А.А.Бахрушин, с которым ее связывала давняя и крепкая дружба. В альбоме основателя театрального музея сохранились несколько записей Ртищевой. Летом 1911 г. она под впечатлением увиденного в музее записала: «Удивительный Алексей Александрович! Будь в моей власти я бы Вам при жизни поставила памятник. Ха-ха и честь Вам».

В начале 1914 г. Ртищева открывает собственное театральное предприятие — театр «Водевиль» — в помещении дома купца П.Г.Солодовникова возле Б.Каменного моста. В программе значились литературные и театральные пародии, пьески и миниатюры, многие из которых были написаны самой Ртищевой. Свою пьесу «Клоун» передал ей для постановки А.И.Куприн. «Водевиль» пытался конкурировать со знаменитой «Летучей мышью» Балиева. Отметим, что музыку для театра писал штатный балиевский композитор А.А.Архангельский, а среди присутствующих большинство составляли актеры, журналисты, писатели. «Во всем укладе театра много семейного, простого», — отмечала газета «Вечерние новости».

В некотором роде «Водевиль» на самом деле был семейным предприятием. Вел программу, объявлял номера, соединял их веселыми репризами, муж Ртищевой Олег Леонидов. Позднее, в 30-х гг. он был председателем правления группы «Литературный оскобик», соавтором киносценария («Дети капи-

тана Гранта», «Остров сокровищ и др.), пробовал писать стихи. В библиотеке М.А.Булгакова сохранился подаренный ему сборник стихов «На бледном шелке» с дарственной надписью автора. Леонидова знала в Москве как талантливого журналиста. К.Пазуковский вспоминал, что это был «очень вежливый и шумный человек с беспощадными глазами и что обмануть или разыграть его было невозможно, зато сам он по праву считался мастером всевозможных веселых мистификаций и еще «королем сенсаций». К слову сказать, супруга нередко помогала ему добывать эти сенсации, увязываясь за ним в самые рискованные походы по ночной Москве, связанные с раскрытием преступлений (Олег Леонидов одно время вел в газетах хронику происшествий), не раз бывала и в самом сердце воросской Хитровки, преследуя, по ее словам, задачу «по собиранию материалов для новых рассказов и имитаций».

Октябрьский переворот 1917 г. на первый взгляд ничего не изменил в ее жизни: Ртищева все такая же неутомимая, ищущая себя в творчестве натура. Она организует самостоятельный военный театр, выступает с концертами на заводах, фабриках, рабфаках, устраивает благотворительные вечера в пользу инвалидов войны. Театральная критика относится к ней весьма благожелательно. Так, в июне 1923 г. журнал «Театр и музыка» отмечал ее «свежий, незатасканный репертуар, тонкое мастерство, что при современном эстрадном голоде является находкой».

Увы, иначе думали чиновники от искусства. В 1924 г. в то время как Ртищева находилась на гастролях в Сибири, она была исключена из членов РАБИСа (профсоюз работников искусства) за поджог «социальное происхождение» и выселена из комнаты на Новинском бульваре, «которая, вполне вероятно, принадлежала кому-то из аппаратчиков. В довершение всего в «счет уплаты чрезвычайного революционного налога» у нее изъяли собранные за долгие годы уникальное собрание сверского фарфора и ред-

чайные кубки эпохи Ренессанса. Уполномоченные не побрезговали даже такой безделушкой, как коллекция старинных вееров. От большой роскоши остался лишь музыкальный ящик с изображением улыбающихся маркизов...

В этой невеселой ситуации помогли ее друзья и друзья мужа, выхлопав комнату и снова, по-счастью, на любимом Арбате — Денежный переулок, 12, кв. 7. Соседом по дому был старый знакомый Е.Б.Вахтангов. По воспоминаниям историка театра Н.Д.Волкова (он жил в соседнем Кривоарбатском переулке и часто захаживал в гости) Олег Леонидов любил «петь с Вахтанговым в два голоса с разных этажей и это пение было полно комизма». Зная способности Ртищевой, можно представить, как она затем имитировала этот «художественный дуэт»! А среди слушателей самыми благодарными были С.Эйзенштейн и Я.Протазанов.

Вскоре Ртищева задумывает издать сборник своих рассказов. «Дается это нелегко, — писала она, — потому что рассказы у меня бытовые. Старый быт уже умер, а новый еще, пожалуй, не родился». Ртищева как всегда лукавила. Она была в самой гуще этого нового быта, и он, мягко говоря, не вызывал у нее восторга. В рассказе «Мать и дитя» она с таким злым юмором схватила жизнь современной коммуналки, что стало виться не по себе. И это неудивительно. Рассказывают, что К.С.Станиславский во время репетиции пьесы, действие которой происходило в коммуналке, никак не мог взять в толк, что делают совершенно чужие люди в одной квартире. Ртищева испытала все прелести коммунального жилища (а Арбат за первые годы революции уплотнился основательно) на собственной шкуре. Должно быть, не случайно цензорский карандаш потрудился над текстом и политически вредными были признаны не только отдельные места (например, ругательство «пионер паршивый»), но и весь рассказ. И хотя известный писатель Н.Пазухин поддержал Ртищеву, написав в рецензии, что в рассказах Ртищевой содержится «неповторимый московский колорит», мнение в известных кругах, видимо, уже сложилось, и сборник так и не увидел света. В утешение Пазухин написал рассказ «Квартиранты», на котором поставил посвящение Ртищевой.

Жизнелюбью Ртищевой можно позавидовать. Тяжело больная (перелом ноги), она на несколько месяцев оказывается прикованной к постели. И что же? В письме к Сергею Эйзенштейну — ни намека на жалобы, и даже более того! Она сообщает ему, что «необыкновенно хорошо чувствовала себя морально: пела песни, читала и вообще нашла себя».

Кто знает, однако, о чем размышляла она, оставаясь одна долгими бессонными ночами? Не жалела ли о том, что давным-давно ей так и не удалось прибегнуть к услугам профессора Бахметьева? Такую ли Москву, такую ли жизнь ожидала она увидеть, очнувшись от анабиоза? Шел 1935 год. Настоящее она воспринимала философски. В письме к С.Эйзенштейну она советовала ему «не падать духом»: «Ничего не поделаешь. И эпоха, и энтузиазм требуют жертв». Она уже многое повидала, но еще многого не знала...

Едва сняв гипс, она снова мечтает о творческих исканиях, получает согласие Эйзенштейна на совместную работу над киносценарием. В последнем известном мне письме к мэтру (ноябрь 1938 г.) она сообщила о себе: «А я еще жива, я еще хочу встать на ноги. А без посторонней помощи не податься. Уважающая и обожающая Вас бывшая Ртищева Маргарита Ивановна». На конверте стоял ее последний арбатский адрес: «Б.Левшинский переулок, дом 8а, кв. 31». В этом доме, возведенном для жилищного кооператива «Искусство и труд», в 1927—28 гг. проживали многие выдающиеся актеры — Б.Захава, Ц.Мансурова, А.Попов, Р.Симонов... Героиня нашего рассказа не была ни артисткой, ни писательницей этой «большой обормоты». И, может быть, поэтому ее имя сегодня совершенно забыто.

О себе она говорила в конце жизни с легкой грустью — бывшая. То есть вся в прошлом. Но задумаемся, слово это имеет и другой смысл. Бывшая, значит — была, жила, дышала, творила. И восстанавливая пестрый облик старого Арбата, ясно сознаешь, что без таких людей, как Маргарита Ивановна Ртищева, он был бы не полон.

Телефон: 208-82-42

Цена договорная

Главный редактор В. ГОРБУНОВ.

Редакция: М. КЛЕЙНЕР (зам. гл. редактора),
В. КОРКИН (отв. секретаря)
Н. РЯЗАНЦЕВА, К. ФУРОВ
(заместители отв. секретаря),

Н. ВЫСТАВКИНА, М. СЕТЮКОВА (редакторы),
Ю. МИХАЙЛОВ (главный художник)

Учредитель «Литературная газета»
Зарегистрирована Министерством печати и информации
Российской Федерации, № 527. Выходит один раз в месяц.
Адрес редакции: Москва, Костянский пер. 13., Индекс: 50068